

ЕЩЕ РАЗ О "ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ" Г.В. ПЛЕХАНОВА

Как историк рабочего движения, особенно российского, я занимаюсь в настоящее время деятельностью и личностью Г.В. Плеханова и с большим интересом познакомился с его так называемым "Политическим завещанием", опубликованным 30 ноября 1999 г. "Независимой газетой" (Москва). Документ этот сразу же вызвал споры среди российских ученых: Г.Х. Попов ничуть не сомневается в его подлинности, тогда как Е.Л. Петренко, Т.И. Филимонова, С.В. Тютюкин и А.А. Чернобаев в своей совместной статье, напротив, решительно подвергают эту точку зрения сомнению. Со страниц "Независимой газеты" дискуссия перекочевала в журнал "Свободная мысль" (2000. № 6. С. 81–94), где, помимо уже названных четверых авторов, изложил свое мнение и философ М. Грецкий.

Я тоже хотел бы высказать свое отношение к данному вопросу, а также к содержащимся в обсуждаемом документе некоторым конкретным историческим фактам. Начну с проблемы подлинности "Завещания". Аутентичность его содержания подтвердил директор Дома-музея Г.В. Плеханова в Липецке историк А.С. Бережанский, который в научном плане занимается, насколько мне известно, ранним Плехановым. Однако редакция "Независимой газеты" не привлекла к экспертизе самых известных знатоков русского марксиста, особенно исследователей из Дома Плеханова в Санкт-Петербурге, а также доктора исторических наук С.В. Тютюкина из Москвы – автора новейшей капитальной биографии Г.В. Плеханова. Указанные "поставщики" документа кандидатом физико-математических наук доцентом Н.И. Нижегородовым лица, якобы знающие о "Завещании", не являются, я считаю, компетентными в обсуждаемом вопросе. Мере историками России XX в. Неясно, почему их следует считать компетентными в обсуждаемом вопросе.

Подлинность документа должна доказывать опубликованная в том же номере "Независимой газеты" история составления завещания, якобы продиктованная другом и доверенным лицом Плеханова Л.Г. Дейча, племянником Георгия Валентиновича Сергею Григорьевичу в 1918 г. По мнению А.С. Бережанского, она подлинная, но где находится автограф этих воспоминаний и каким путем этот текст попал к Бережанскому, остается неясным¹.

С.В. Тютюкин решительно утверждает, что никакого "Политического завещания" Г.В. Плеханов не писал и не диктовал. Дейч же довольно подробно рассказывает о том, как его тяжело больной учитель и друг диктовал ему свое "Завещание". При этом он лаконично утверждает, что саму диктовку, а затем и текст "Завещания" необходимо было скрывать от заботливо опекавшей больного Плеханова его жены Р.М. Богград-Плехановой, но почему это нужно было делать, не объясняет.

Л.Г. Дейч признает, что при Плеханове записанный под его диктовку текст он не переписывал и не давал ему на подпись, а переписал "Завещание" позднее, в Петрограде. Но он не указывает, когда именно это было сделано. Некоторые формулировки Плеханова, по словам Дейча, его "возмутили", но он все же решил оставить текст "Завещания" таким, каким его продиктовал Плеханов. При этом Дейч не говорит, как именно Плеханов просил распорядиться "Завещанием", но зато прямо утверждает: "...Для увековечения памяти Плеханова будет, по-видимому, лучше, если его завещание никогда не увидит света"². Из этого вытекает, что великий русский марксист желал чего-то, чего Дейч не выполнил (например, опубликования текста "Завещания", вероятно, вопреки воле его жены, которая была ближайшим, в том числе и политически, доверенным лицом Г.В. Плеханова). В итоге "Завещание" попросту скрыли, причем не только от советских властей, но даже от русской эмиграции и Запада.

В сохранившихся дневниковых записях Дейча есть указание на то, что в апреле 1918 г. он был у Плеханова в Финляндии и слушал его рассказы, но при этом он добавляет, что многие мысли, услышанные от своего друга, он не запомнил³. Судя по этой записи Дейча от 24 апреля 1918 г., рассказов Плеханова он не записывал и многие из них попросту забыл. Таким образом, дневник Дейча вступает в явное противоречие с опубликованной в "Независимой газете" историей составления "Завещания", хотя, казалось бы, сугубо личный дневник Дейча должен был отразить факт составления подобного документа. Странно, не правда ли?

А.С. Бережанский оговаривается, что в той же мере, в какой ему кажутся достоверными первые шесть разделов "Завещания", авторство Плеханова в седьмом разделе (скорее в той его части, которая посвящена будущему социализму в России, вопросам экологии, технического прогресса и т.д.) выглядит весьма сомнительно и его "нельзя подтвердить"⁴.

Естественно, возникают вопросы: почему и каким образом к шести "аутентичным" разделам был дописан седьмой, кто, когда и для чего это сделал? И чем подтверждается аутентичность первых шести разделов?

Не производят на меня впечатление аутентичных и различные формулировки из разделов второго и других, хотя это мое мнение можно оспаривать. Зато бесспорно сомнительными мне представляются якобы достоверные высказывания Г.В. Плеханова по вопросу аграрной политики большевиков. Он негативно оценивал (как уже свершившийся факт!) введение хлебной монополии и отправку в деревню продовольственных отрядов⁵, причем сделано это было Плехановым, судя по записям в дневнике Дейча, ранее 24 апреля 1918 г. Между тем хлебную монополию, по мнению абсолютно всех исследователей и по свидетельству абсолютно всех источников, начали вводить в советской России лишь после 8 мая 1918 г. Продовольственные же отряды по призыву Ленина начали создавать и направлять в деревню с 24 мая того же года, т.е. месяц спустя после диктовки "Завещания" Плехановым⁶. Трудовая повинность действительно была, но она вводилась постепенно и дифференцированно (в отношении саботажников и буржуазии) лишь с 27 марта 1918 г., а особенно после 28 апреля того же года. В отношении же рабочих ее ввели лишь с осени 1918 г.

Слова "ставится вопрос о... трудовых армиях"⁷ нельзя приписывать Плеханову, поскольку тезис о трудовых армиях Л.Д. Троцкий выдвинул лишь 16 декабря 1919 г., т.е. через полтора года после смерти автора "Завещания", а первую такую армию создали в январе 1920 г.

Содержащееся в "Завещании" утверждение, что большевизму была присуща "вера в способность пролетариата самостоятельно (выделено мною. – Я.К.) наладить производство", совершенно расходится с тогдашней коммунистической политикой. Во всяком случае с политикой, энергично и публично форсируемой Лениным, который доказывал, что обязательным является приглашение (именно приглашение, а не принуждение) специалистов-интеллигентов к управлению производством⁸.

В тексте "Завещания" содержится ряд непонятных, внутренне противоречивых формулировок и терминов, не употреблявшихся в 1918 г. (например, "гуманизация", "тотальный" и др.), а также некоторые фактические неточности.

Резюмирую свои критические замечания: "Завещание" является не авторизованным текстом Г.В. Плеханова, а в лучшем случае заметками Л.Г. Дейча, подготовленными самое раннее в июне 1918 г. Может быть, даже с позднейшими дополнениями, сделанными даже после 1918 (1920?) г. Все ли они принадлежат перу Дейча, неизвестно. Конечно, большая часть текста представляет интерес для читателя-неспециалиста с той оговоркой, что перед нами краткое изложение взглядов не только самого Плеханова, но и русских меньшевиков периода 1917–1918 гг., и социал-демократов более позднего периода. Наконец, здесь нашли отражение и взгляды, распространенные в международном социалистическом движении. Вдобавок "Завещание" производит впечатление подчеркнуто актуализированного документа. Когда и кем, ради чего?

Я. Каневич, доктор habilitation
(Варшавский университет, Польша)

Примечания

¹ В публикации нет информации о том, что представлял собой этот Сергей Григорьевич Плеханов – племянник Георгия Валентиновича.

² Независимая газета. 1999. 30 ноября. С. 13.

³ См.: Вопросы истории. 1996. № 3. С. 16. Эти "Записи" Л.Г. Дейча после его смерти в 1941 г. были просмотрены сотрудниками НКВД. Позднее благодаря вдове Дейча остатки его архива были переданы государству.

⁴ Бережанский А. "Завещание" принадлежит именно Плеханову // Независимая газета. 1999. 30 ноября. С. 13.

⁵ Политическое завещание Г.В. Плеханова // Там же. С. 10.

⁶ Очевидно, случаи реквизиций в селах в условиях голода и революционного хаоса имели место уже с осени 1917 г., но их нельзя приписывать политике партии большевиков.

⁷ См.: Политическое завещание Г.В. Плеханова. С. 10.

⁸ Там же. Правда, резкость полемики Ленина с эгалитаристскими настроениями (специалистам предлагалась достаточно высокая оплата) свидетельствует, что в массах такая вера в самостоятельность, вероятно, существовала. Но обвинение большевизма как целого в том, что это «идеология Бакунина, «обогатенная» идеями анархо-синдикалистов» (с. 10), не соответствует фактам.

Я уже дважды имел возможность высказать свое отношение к "Завещанию" и должен сказать, что статьи Н.И. Джигеродова, А.С. Бережанского и Г.Х. Попова не поколебали моей позиции. Поэтому я не буду вновь заниматься текстологическим анализом "Завещания", в котором невооруженным глазом можно заметить массу совершенно не свойственных Плеханову терминов и выражений, не говоря уже о некоторых его "прозрениях" относительно судьбы социализма в России, которыми так восхищаются публикаторы этого "документа", но которые никак не могли родиться весной 1918 г. и несут весьма конъюнктурный и сугубо современный характер. Кстати говоря, в подлинности седьмого раздела "Завещания" под названием "О государстве, социализме и будущем России" сомневается даже профессор Г.Х. Попов, в общем и целом склоняющийся к тому, что "Завещание" действительно было продиктовано Плехановым, причем главный его довод в пользу авторства Плеханова – глубина содержащегося в "Завещании" научного анализа.

Характерно, что подлинники авторы «Завещания» вложили в уста умирающего Плеханова те «поправки» к марксизму, которые действительно внес XX век: новые подходы к социальной стратификации общества, принципиальное изменение состава, облика и роли рабочего класса (отказ от его гегемонии и диктатуры), некоторая гуманизация и значительная рационализация капитализма, ослабление классовой борьбы и т.д. Сегодня они воспринимаются уже достаточно спокойно, но трудно предположить, что Плеханов «дозрел» до них, не имея для этого необходимого статистического и фактического материала, еще в 1918 г. Могло быть и так, что Плеханов, как мне представляется, все же нет.

Вероятно, в принципе возможны предсмертные "озарения", когда мысль безнадежно больного человека вдруг приобретает какую-то особую ясность и глубину и смело устремляется в будущее, поднимаясь на такие высоты, которые были до этого человеку просто недоступны. Однако непредвзятое сравнение статей Г.В. Плеханова, опубликованных в газете "Единство" в 1917-1918 гг. (позже они вошли в до сих пор не переизданный парижский двухтомник "Год на родине"), и текста опубликованного ныне в "Независимой газете" "Завещания" позволяет сделать вывод о маловероятности подобной предсмертной метаморфозы применительно к Плеханову. Слишком уж велика интеллектуальная дистанция между этими произведениями, слишком трудно поверить, что их автором является один и тот же человек – Георгий Валентинович Плеханов.

Сейчас мне хотелось бы, однако, привлечь внимание читателей к некоторым деталям истории "Завещания", как она представлена в сопроводительных материалах и публикации в "Независимой газете" от 30 ноября 1999 г. (я имею в виду статью "владельца" "Завещания" Н.И. Нижегородова "Как этот документ попал в мои руки" и "воспоминания" Л.Г. Дейча "Он диктовал на смертном одре").

Естественно, сразу же возникает ряд вопросов. Могло ли у Плеханова хватить физических сил на подобную диктовку, если принять во внимание ее продолжительность и неординарную авторскую ответственность за каждое слово, обращенное к потомкам и к самой Истории? Могла ли не заметить таких диктовок жена Плеханова, видевшая свой первейший долг в заботе о здоровье мужа? Согласилась ли бы она – главная прямая наследница Плеханова – выпустить из своих рук столь драгоценный, хотя и «опасный» в условиях большевистской диктатуры документ? Могла ли она доверить эту последнюю тайну боготворимому ею мужу болтливому и достаточно «шаткому» в своих убеждениях Дейчу? Наконец, мог ли этот надиктованный «документ» быть таким «гладким» в литературном отношении (ведь Дейч признает, что не успел до отъезда из Питкеевры перечитать его Плеханову для внесения необходимых исправлений) и включать в себя некоторые цитаты из произведений Ленина, Энгельса, Бебеля и даже Мольера? Думаю, что дать сколько-нибудь удовлетворительные положительные ответы на все эти недоумения было бы достаточно трудно.

Вторая серия детектива переносит нас в Петроград, куда возвратился от Плеханова Дейч и где в июне 1918 г. состоялись похороны "отца русского марксизма". Там Дейч переписал наконец свои заметки и всерьез задумался над их содержанием. Он даже решил показать "Завещание" В.И. Засулич, которая была еще более близким другом Плеханова. Ей некоторые места "Завещания", в частности отказ от идеи диктатуры пролетариата, тоже очень не понравились (видимо, и Дейч, и Засулич сочли их отступлением от тех принципов, которыми они вместе с Плехановым руководствовались в своей прошлой революционной деятельности), но все же она склонялась к тому, что нужно исполнить последнюю волю любимого друга, который прямо сказал Дейчу, что опубликовать "Завещание" можно будет только тогда, когда большевики уже не будут в России у власти. Сам же Дейч считал, что лучше всего будет, если "Завещание" никогда не увидит свет (почему, не ясно).

7.4. принимается Наследство и другое, если Завещание действительно

